

Д. К. МОТОЛЬСКАЯ

**РАБОТА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО
НАД АННЕНКОВСКИМИ «МАТЕРИАЛАМИ
ДЛЯ БИОГРАФИИ А. С. ПУШКИНА»**

Цикл статей Н. Г. Чернышевского, посвященный анненковскому изданию сочинений А. С. Пушкина, был создан критиком не сразу: две статьи были опубликованы после выхода в свет первых двух томов издания — в феврале и марте 1855 года,¹ третья и четвертая — после выхода в свет остальных томов — в июле и в августе того же года.²

Отрезок времени, отделявший третью и четвертую статьи от первых двух — существенная веха на пути «самоопределения» различных идеологических тенденций. Именно в эти месяцы (в мае—июне) 1855 года фактически начался процесс размежевания в литературной среде, группировавшейся вокруг «Современника», стали уточняться и определяться идейно-эстетические позиции тех, кто составлял так называемый «круг» «Современника».

Процесс этот неразрывно связан с тем, что происходило в эти месяцы в жизни самого Чернышевского. Апрель и часть мая 1855 года были наполнены у Чернышевского хлопотами, связанными с изданием и с защитой магистерской диссертации.³ Хотя Чернышевский в письме к отцу, написанном вскоре после диспута (6 июня 1855 г.), писал, что он привык к не-

¹ «Современник», 1855, №№ 2 и 3.

² «Современник», 1855, №№ 7 и 8

³ См. Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., Гослитиздат, 1953, стр. 104.

пишет Чернышевский, — принесли ему (Срезневскому. — Д. М.) некоторую пользу; а другие читатели убеждаются еще легче. То же самое было с пристрастием к библиографии, — продолжает он, — которое теперь также упадет, отчасти при моей помощи. У нас можно — конечно, мало-помалу — делать кое-что, чтобы направлять читателей, даже таких, которые считают себя знатоками дела. Это поддерживает и охоту толковать с ними; иначе не стоило бы труда» (XIV, стр. 304).

На анненковских «Материалах для биографии А. С. Пушкина» Чернышевский стремится показать, насколько самый путь изучения жизни и деятельности писателя зависит от масштабов его личности и значения его творчества в развитии отечественной литературы.

В первой статье о Пушкине критик, в полном соответствии с мыслями, высказывавшимися им в рецензиях, писал, что изучение биографических и библиографических подробностей важно тогда, когда дело идет о писателях, имеющих «какое-нибудь положительное значение в истории литературы». В этой статье он выступает как историк литературы, не только признающий возможность кропотливого собирания мельчайших биографических и библиографических фактов, но и как горячий сторонник подобного метода. Именно потому он восторженно встречает труд Анненкова, видя в нем истинное достижение русской культуры в целом и филологической науки — в частности.

Развивая мысль Белинского о недопустимости равнодушия или пренебрежительного отношения даже к самым незначительным произведениям поэта и необходимости сохранения для потомства каждой строки, написанной им, Чернышевский с особым удовлетворением отмечает, что данное издание выполнено на основе поступивших в распоряжение издателя рукописей, оставшихся после Пушкина, и что в нем сказывается умение издателя извлечь из них «все, что еще оставалось неизвестным публике» (II, 425).¹ Чернышевский особо отмечает характер библиографических примечаний, включающих в себя указания на те случаи и поводы, с которыми было связано написание тех или иных произведений поэта.

¹ Чернышевский знал, что в руках у Анненкова оказались рукописи, оставшиеся после смерти Пушкина у Н. Н. Пушкиной; возможно, что ему был известен и тот факт, что к этим материалам проявлял большой интерес Белинский; об этом последнем факте свидетельствует письмо П. В. Анненкова к братьям от 1847 года. Обращаясь к ним, он пишет: «Белинский мне говорил, что вы за них (пушкинские материалы. — Д. М.) взяли весьма дельно, и я думаю, что к его (Белинского. — Д. М.) возвращению в Россию... уже у вас будет готово что-нибудь весьма интересное» («Литературное наследство», т. 56, М., 1950, стр. 191; см. об этом: А. Оськин, В. Г. Белинский в неизданной переписке современников, там же, стр. 98).

Филологическая выучка, которую Чернышевский получил еще в стенах университета под руководством И. И. Срезневского, постоянное внимание к трудам, посвященным фольклору, памятникам древней литературы, к трудам историческим, позволили ему ясно представить себе принципы научного издания произведений писателя-классика. В начале своей первой статьи он и дает оценку новому изданию сочинений Пушкина с точки зрения соответствия его требованиям научного издания.

Чернышевского интересует степень полноты издания, источники, которые позволили пополнить его новыми текстами, вопрос о достоверности этих текстов, принципы расположения материала и характер примечаний.

Критик дважды, и притом весьма сочувственно, цитирует предисловие Анненкова ко II тому собраний сочинений Пушкина, чтобы разъяснить читателю принципы, положенные в основу издания сочинений поэта. Интересно, что второй из приведенных Чернышевским отрывков заканчивается словами о необходимости (и полной возможности) развития на материалах данного издания «библиографической, филологической и исторической критики» (II, 426), и Чернышевский полностью солидаризируется в данном случае с редактором первого научного издания сочинений Пушкина.

Давая общую оценку труда Анненкова, Чернышевский пишет: «Оно лучшее издание, какое могло быть сделано в настоящее время; недостатки его неизбежны, достоинства его — огромны, и вся русская публика будет благодарна за них издателю» (II, 426).

В первых статьях он по-прежнему дает бой мелочному собиранию биографических фактов, но на этот раз получает возможность не только расуждать на тему о том, какого рода биографические факты должны привлекать внимание ученых и в каких именно случаях, а показать, какими важными могут быть биографические труды и библиографические изыскания, когда они относятся к жизни и деятельности такого великого человека и поэта, как Пушкин. Продолжая ранее начатую полемику с приверженцами биографических и библиографических «подробностей», Чернышевский в данном случае опирается на «Материалы для биографии А. С. Пушкина», противопоставляя этот труд современным монографиям, в которых преобладает интерес к «подробностям».

Чернышевский называет труд Анненкова «первым трудом», который «удовлетворяет столь сильно развившемуся в последнее время стремлению русской публики познакомиться с личностями деятелей русской литературы и образованности» (II, 427). Быть может, когда Чернышевский писал своему отцу, что ему кое-что удалось сделать в смысле преодоления

чрезмерного увлечения мелкими биографическими и библиографическими фактами, он имел в виду и Анненкова, который, с точки зрения Чернышевского, сумел избежать этой дурной тенденции.¹ «Как и всякое новое направление, стремление к подробным и точным исследованиям отечественной литературы, — пишет Чернышевский, — было неумеренно в своих проявлениях... Потому все монографии, являвшиеся в последнее время, страдали важными недостатками и по содержанию и по форме». В этих монографиях, обремененных случайными, ничего не разъясняющими читателю фактами, читатель «совершенно запутывался»; отсутствие в них «общей точки зрения» лишало их единства и целостности. С точки зрения Чернышевского, эти труды представляли собой «отрывочные изыскания о маловажных фактах» (II, 428). Такого рода изысканиям критик и противопоставляет труд Анненкова, знаменующий, с его точки зрения, новый этап не только в изучении Пушкина, но и в движении историко-литературной науки в целом. Он видит это новое, и притом плодотворное, в том, что созданная Анненковым биография касается жизни писателя, который создал новую русскую литературу и образовал «новую русскую публику», писателя, чьи произведения «будут жить вечно», чья личность «навсегда останется незабвенной» (II, 428). Еще год тому назад (в апреле 1854 г.) Чернышевский всячески приветствовал «Опыт биографии Н. В. Гоголя», написанный П. А. Кулишом, поскольку биографические изыскания касались такого гиганта, как Гоголь; сейчас, в связи с выходом «Материалов для биографии А. С. Пушкина», Чернышевский еще раз разъясняет свою точку зрения на изучение биографии писателя. Право на научную биографию имеют, по Чернышевскому, не все писатели; этим правом обладают лишь те, кто сыграл важную роль в судьбах отечественной культуры. Поэтому первую заслугу Анненкова Чернышевский видит в его обращении к жизни Пушкина; вторую — в том, что тот представил на суд читателя не разрозненные факты, не случайные наблюдения над теми или иными вариантами его творений, а какие-то итоги предшествующих размышлений и кропотливых исследований.

Если современных любителей биографических и библиографических изысканий Чернышевский обвиняет в том, что они представляли читателю «отрывки черновых работ, со всеми мелочными сличениями букв и стихов, среди которых

¹ Не исключена также возможность влияния труда Анненкова на Чернышевского как издателя «Материалов для биографии Н. А. Добролюбова»; едва ли случайным было и самое совпадение заглавий трудов Анненкова и Чернышевского.

или тонула, или принимала несвойственные ей размеры всякая общая мысль» (II, 428), то труд Анненкова представляется ему совершенно иным. «Кропотливая мелочная работа сличений и поисков, ему предшествующая, — пишет Чернышевский, — не выставляется на первом плане, затемняя для читателя черты великого писателя и его трудов; ...составитель биографии дал читателям не черновые свои бумаги, а жизнеописание, возведенное окончательно обработкою к форме литературного произведения. Его работа, — заключает Чернышевский, — должна послужить для наших исследователей истории литературы образцом биографии» (II, 428).

Таким образом, Чернышевского как автора цикла статей о новом издании сочинений Пушкина по-прежнему интересуют судьбы истории литературы как науки; по-прежнему он склонен разяснять, последовательно и терпеливо, как он мыслит себе истинную науку о литературе. Стремление обратиться историю литературы к изучению «замечательных явлений литературы» руководило Чернышевским в середине 50-х годов постоянно. Возможно, что взялся он за написание статей об анненковском издании не только для того, чтобы сказать свое слово о Пушкине, но и для того, чтобы помочь истории литературы сделать еще один шаг по пути, пролагавшемуся в свое время Белинским.

Что касается А. В. Дружинина, то он совсем не поднимал вопросов, связанных с принципами издания сочинений Пушкина, то есть вопросов чисто филологических. Написанное им по поводу анненковского издания носит отчетливо выраженный критико-публицистический, а не научно-филологический характер. Недаром Дружинин, определяя цель своей статьи, пишет, что не собирается ни оценивать издание Анненкова, ни давать исторический и критический разбор сочинений Пушкина. «Мы желаем, — пишет Дружинин, — ...высказать наше мнение о Пушкине как о литераторе в тесном смысле этого слова», показать, «каков был великий наш поэт в тиши своего кабинета». ¹ Чернышевский же оценивал издание, считая его для своего времени образцовым. Он увидел в Анненкове настойчивого собирателя материалов, человека, пытаю-

¹ А. В. Дружинин. А. С. Пушкин и последнее собрание его сочинений. — «Библиотека для чтения», 1855, т. 130, отд. III и IV, стр. 47; попутно замечу, что «концепция» Дружинина, согласно которой, Пушкин — это поэт, творивший «в тиши своего кабинета», вступает в противоречие с анненковской концепцией. Анненков писал: «Никогда не следовал он (Пушкин — Д. М.), да и не мог следовать афоризму, произнесенному им в статье о Вольтере: «Настоящее место писателя есть его ученый кабинет». — П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. «Соч. А. С. Пушкина, изд. П. В. Анненкова», т. I, 1855, стр. 361; в дальнейшем — «Материалы».

щегося подвергнуть тексты писателя научной критике, ученого добросовестного и ревностного.¹

Некоторые советские литературоведы, оценивая анненковское издание Пушкина и одновременно с ним — статьи Чернышевского и других критиков-современников, посвященные этому изданию, проявляют недостаточную объективность, так как стремятся всегда и во всем видеть борьбу Чернышевского с теорией «чистого искусства». Так, В. Дорофеев и Г. Черемин в своей статье «А. С. Пушкин в русской критике»² прямо обвиняют Анненкова в сознательной «фальсификации» пушкинских текстов. «Первый биограф поэта, П. В. Анненков, — пишут авторы, — учитывая, что его статья (!) просматривалась самим царем, расписывал мнимые благодеяния царского правительства, «заботливость» ...в отношении Пушкина».³ В данном случае совсем не учитываются обстоятельства, в которых приходилось работать Анненкову, забывается, как трудно было издателю провести «через рогатки цензуры» факты, связанные с жизнью Пушкина, тексты его произведений, как тяжело переживал он сам необходимость что-то утаивать от читателя, что-то сглаживать; ведь, по его собственным словам, все это вносило в написанную им биогра-

¹ Это не помешало Чернышевскому много лет спустя (в 1889 г.) сурово оценить труд Анненкова-издателя за неточности, допущенные им при публикации пушкинских текстов. Чернышевский-филолог чрезвычайно требователен к этой стороне деятельности редактора-издателя. Это в полной мере сказалось в том, как он работал над «Материалами для биографии Н. А. Добролюбова». Брат А. Н. Пыпина в письме А. Н. Пыпину, написанному по поручению Чернышевского, рассказывает с какой степенью подлинно научного педантизма подходил Чернышевский к решению текстологических вопросов. Хотя у него в руках находились весьма точные копии публикуемых им писем Добролюбова, однако он потребовал подлинники этих писем, указав на то, что почерк Николая Александровича «не всегда разборчив, что напр., буквы «о» и «а» часто могут быть приняты одна за другую, что это обстоятельство в некоторых случаях может придавать тому или иному слову не то значение или смысл, какие оно должно иметь на самом деле. Вообще, — продолжает М. Н. Пыпин, — даже для меня, мало сведущего в издательском деле... ясно, что издание «Материалов» Н. Г-ч желает сделать классическим... Недаром... Н. Г. привел на память то обстоятельство, как коверкали и искажали текст Пушкина Анненков, Геннади и другие издатели его сочинений. Почитатели Добролюбова могут быть, след., уверены, что с его текстом ничего подобного не случится» (Письмо М. Н. Пыпина от 31 июля 1889 года. — «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие», т. 3, 1930, стр. 659). По-видимому, Чернышевский не сразу обнаружил неточности, допущенные Анненковым, а возможно, в 1855 году он и не знал более точных текстов. Об интересе Чернышевского, а также Н. А. Некрасова и Н. А. Добролюбова к вопросам текстологии пишет В. С. Нечаева в статье «Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков. Сб «Вопросы текстологии», изд-во АН СССР, 1957, стр. 30.

² В. Дорофеев и Г. Черемин. А. С. Пушкин в русской критике. Предисловие к книге «А. С. Пушкин в русской критике». ГИХЛ, 1953.

³ Там же, стр. 25.

фию великого поэта какой-то элемент «пошлости». Казалось бы, что Дорофееву и Черемину при оценке труда Анненкова следовало учесть и слова С. А. Соболевского, что издатель «должен был решиться сказать несколько глупостей в виде пачпорта истине»,¹ и широко известное письмо И. С. Тургенева к Анненкову, которое позволяет судить, насколько сложно было в условиях первой половины 50-х годов создавать биографию Пушкина и публиковать его произведения».²

Можно быть уверенным, что Чернышевский не только догадывался, но и знал, какие трудности стояли на пути Анненкова — первого настоящего биографа поэта и издателя его произведений; поэтому он так осторожен в выражении своих критических суждений о рецензируемом издании. Даже в четвертой своей статье, написанной в несравненно более резких тонах, чем первые, Чернышевский старается отвести от Анненкова упрек в неполноте его издания и напоминает читателям, что если издатель не восполнил тех пробелов, на наличие которых было указано еще при оценке издания 1841 года, то сделал он это «не по забывчивости, а только потому, что план нового издания не допускал помещения этих статей, большей частью полемических» (II, 495); а несколько дальше Чернышевский добавляет, что Анненков предусмотрительно и не называл собрание сочинений поэта «полным», потому что оно могло быть «полным» только «в предписанных ему границах» (II, 497).

Дорофеев и Черемин совсем не считают с весьма высокой оценкой, которую дал Чернышевский новому изданию сочинений Пушкина,³ но зато они всемерно подчеркивают полемику его с Анненковым. Они договариваются даже до того, что для Чернышевского анненковские «Материалы для биографии Пушкина» явились только средством для нанесе-

¹ «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, стр. 37—38.

² «Я понимаю, — писал Тургенев, — как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна...» (И. С. Тургенев. Письма, т. II, изд-во АН СССР, 1961, стр. 78). См. об этом К. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., Гослитиздат, 1952, стр. 18; Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2-я. М.—Л., изд-во АН СССР, 1961, стр. 449—450.

³ Интересно отметить, что Б. В. Томашевский в своей оценке труда Анненкова гораздо ближе к Чернышевскому, чем к Дорофееву и Черемину. Он пишет: «...для своего времени это было лучшее издание, намного превосходящее предшествующее издание 1838—1841 гг. ...Анненков привел весь корпус произведений Пушкина в систему, снабдил каждое произведение примечанием и тем установил тип русских критических изданий сочинений классиков» (Б. Томашевский. Пушкин, кн. 2-я, стр. 449).

ния сокрушительного отпора сторонникам «чистого искусства».¹

Чернышевский проявил огромный интерес к новым текстам, вводимым Анненковым в его издание, и особенно к черновым редакциям пушкинских произведений. Он сразу оценил, какие перспективы для подлинно научного изучения творчества писателя-классика имеет изучение его рукописей, позволяющих судить «относительно процесса их постепенного созидания и обработки» (II, 450). Творческая история пуш-

¹ «А. С. Пушкин в русской критике», стр. 28.

Попутно хочу указать на большое количество фактических ошибок, допущенных в связи с рассмотрением вопроса о взаимоотношениях Чернышевского и сторонников т. н. «чистого искусства»; так, не считаясь с тем, что статьи А. В. Дружинина появились после первой статьи Чернышевского и одновременно со второй его статьей, те же авторы статьи «Пушкин в русской критике» пишут, что Чернышевский своими статьями «метил» в Дружинина; Г. Н. Поспелов в сравнительно недавно вышедшей книге («История русской литературы. Эпоха расцвета критического реализма», изд. МГУ, 1958) пишет, что Дружинину, выступившему со статьями об анненковском издании Пушкина, «вторил» Анненков, опубликовавший на страницах «Современника» статью «О мысли в произведениях изящной словесности». Между тем Дружинин свою статью напечатал в марте 1855 года, а Анненков — в январе того же года.

Н. И. Пруцков, хотя и дает в целом объективную оценку труда Анненкова («История русской критики», т. I, изд. АН СССР, 1959, стр. 462), тем не менее, говоря об отношении Чернышевского к этому труду, не упоминает о положительных высказываниях критика и приходит к выводу, что Чернышевский и Добролюбов в своих статьях об издании сочинений Пушкина, написанных, по словам исследователя в 1855—1856 годах, отвергли «домыслы либерально-эстетической и славянофильской критики»; но ведь известно, что Добролюбов, восторженно встретивший выход в 1857 году VII, дополнительного тома собр. соч. Пушкина, отдал дань уважения и Анненкову. Он писал: «Все еще помнят, вероятно, какой живой восторг возбудило три года назад во всей читающей публике известие о новом издании Пушкина под редакциею г. Анненкова... Это издание действительно было событием не только литературным, но и общественным. Русские, любившие Пушкина, как честь своей родины, как одного из вождей ее просвещения... встретили предприятие г. Анненкова с восхищением и благодарностью» (Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. I, 1934, стр. 313); все эти неточности, эта хронологическая путаница — не случайны; они являются результатом предвзятости, неизбежно отвлекающей от пристального изучения фактов. Гораздо объективнее оценили анненковское издание сочинений Пушкина и отзывы о нем Чернышевского К. И. Чуковский («Мастерство Некрасова», Гослитиздат, 1952) и Е. И. Покусаев (Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и деятельности. М., Учпедгиз, 1960, стр. 109—110). Б. Л. Модзалевский в своей статье «Работы П. В. Анненкова о Пушкине» дает обстоятельный обзор критических высказываний об анненковском издании сочинений поэта; что касается Чернышевского, то его статьи цитируются один раз, но без указания, кому принадлежит цитируемые слова; Чернышевский назван здесь критиком «Современника» (см. Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., изд-во «Прибой», 1929).

кинских произведений поэтому находится в центре его внимания.¹

Оценивая издание Анненкова с точки зрения публикуемых в нем новых пушкинских текстов, Чернышевский подходит к этой стороне анненковского труда как ученый-филолог, превосходно отдающий себе отчет в задачах, стоящих перед издателем произведений писателя-классика. Наибольшую заслугу Анненкова он видит как раз в том, что последний стремился «сохранить, как драгоценность, каждую строку, найденную им в бумагах Пушкина» (II, 451). Именно этим, с точки зрения критика, он раньше всего заслужил право на признательность публики.

Хотя в первой статье Чернышевского, посвященной «Материалам для биографии Пушкина», идет речь преимущественно о фактах биографических, однако и в ней автор обращает внимание читателя именно на эту сторону труда Анненкова. «Без всякого сомнения, — пишет Чернышевский, — интереснейшая часть материалов, собранных г. Анненковым, относится к истории того, как создавались и развивались гением Пушкина его произведения» (II, 445); «Мы прежде об этом только знали смутно, — продолжает автор, — теперь, на основании чрезвычайно внимательного разбора черновых бумаг Пушкина, г. Анненков сообщает множество данных, в высшей степени интересных» (II, 446). Чернышевскому, несомненно, принадлежит заслуга подчеркнуть важность изучения самого процесса создания литературных произведений для выявления творческого своеобразия писателя, для уяснения общей направленности его творчества, для решения некоторых вопросов психологии творчества. «Известно, — пишет Чернышевский, — что Пушкин чрезвычайно внимательно обрабатывал свои произведения... Но до издания «Материалов» мы знали об этом только в общих, смутных чертах; теперь для нас становится ясен весь характер и все подробности этих работ» (II, 450). Чернышевский ценит в труде Анненкова не только самые материалы, опубликованные им, но и умение редактора исследовать эти материалы, и в первую очередь — черновые редакции некоторых пушкинских произведений. «Г. Анненков чрезвычайно внимательно рассмотрел все черновые тетради Пушкина, — пишет Чернышевский, — извлек из них все сколько-нибудь замечательные различия подготовительных и окончательных редакций и, отнеся мелкие и раздробленные факты такого рода в примечания к каждому произведению, собрал важнейшие в своих «Материалах» (II, 450).

¹ Об интересе Чернышевского к пушкинским рукописям см. Б. Бурсов. Мастерство Чернышевского-критика. Л., «Советский писатель», 1956, стр. 74.

Интерес к творческой истории пушкинских произведений проявил и Дружинин. И для него было очевидно значение публикуемых Анненковым черновых материалов, позволивших судить о том, как творил великий поэт. Нельзя забывать (о чем нередко забывают те, кто пишет о Дружинине), что в Пушкине он видит пример исключительного трудолюбия, противопоставляя творческий процесс, свойственный Пушкину, творческому процессу тех поэтов, которые любят говорить о «непосредственности талантов и чистой художественности». «Между нашими литературными предрассудками, — пишет Дружинин, — один еще не вырван с корнем — это предрассудок о малом значении труда. Не один литератор нашего времени готов обидеться, если ему придадут эпитет трудолюбивый». ¹ Не раз на протяжении статьи он упоминает о беспримерной строгости Пушкина к себе, о тех «поправлениях», «перемещениях», о «замене одних слов другими», которые становятся очевидными в результате ознакомления с черновыми редакциями пушкинских произведений. ² Дружинин пишет: «Следуя за процессом пушкинского труда в то время, когда создавались «Борис Годунов», «Полтава» и другие сильные произведения той же эпохи, мы с изумлением останавливаемся перед чуткою и по временам беспримерною строгостью поэта к самому себе. За ту часть биографии, в которой г. Анненков развивает перед нами указанный процесс, мы не находим слов благодарить издателя, так новы, так исполнены высоким интересом сведения, им доставленные». ³ Дружинин достаточно умен, чтобы напомнить совре-

¹ «Библиотека для чтения», 1855, т. 130, отд. III и IV, стр. 73.

² Следует отметить, что в отдельных случаях Чернышевский и Дружинин пользуются одними и теми же примерами, чтобы продемонстрировать пушкинское стремление к совершенствованию своих творений. Так, и тот и другой, разумеется, независимо друг от друга, говорят о различных редакциях монолога Пимена, выявляя тягу поэта к сдержанности, сжатости формы, к поэтической точности.

³ Там же, стр. 66; попутно отметим, что и Чернышевский и Дружинин с большой страстью и настойчивостью пишут о высокой образованности поэта, об отсутствии у него каких бы то ни было элементов дилетантизма. При тех противоречиях, которые имеются в суждениях Чернышевского о Пушкине, основное в них — признание исключительно высокой образованности великого русского поэта. «Пушкин, — писал Чернышевский, — не будучи по преимуществу ни мыслителем, ни ученым, был человеком необыкновенного ума и человек чрезвычайно образованный; не только за тридцать лет назад, но и ныне в нашем обществе не много найдется людей, равных Пушкину по образованности» (II, 475); приблизительно то же говорит о Пушкине Дружинин: «Начитанность и трудолюбие Пушкина», фундаментальная широта его образования «могли идти, с точки зрения Дружинина, наряду с трудолюбием и начитанностью первых поэтов, когда-либо существовавших на свете» (там же, стр. 46). Быть может, эти совпадения позволили Н. А. Некрасову в письме к Дружинину высказать сожаление по поводу того, что его статьи о Пушкине появились не в «Современнике», а в «Библиотеке для чтения». «Я ужасно

менным поэтам, что легковесное отношение к искусству, отсутствие «беспримерной строгости» по отношению к себе никак не может способствовать созданию таких образцов «чистой художественности», которые с успехом противостояли бы поэзии социально-устремленной, общественно-значимой. Дружинину очень важна эта мысль, и он всячески старается доказать, что трудолюбие, постоянное стремление к совершенствованию — это свойство «успокоительного гения», чье творчество возбуждает «светлые улыбки собратий». Дружинин, будучи откровенно тенденциозным, даже не стремится придать своим статьям видимость наукообразия. Именно потому, обращая внимание на черновые редакции пушкинских произведений, он отнюдь не ставит перед собой цели исследовать самый процесс пушкинского творчества. Ему это не нужно.

Что касается Чернышевского, то в первых двух своих статьях о Пушкине он прежде всего выступает как филолог. Видя в изучении процесса «постепенного созидания и обработки» поэтического произведения одну из важнейших задач историко-литературного исследования, он заставляет читателя вдуматься в творческую историю ряда пушкинских произведений. Сам он пытается найти какую-то закономерность, лежащую в основе пушкинского творческого процесса, найти внутреннюю логику в том, что внешне выглядит хаотичным и случайным.

Критика интересуется процесс работы Пушкина над «Евгением Онегиным», и он, пользуясь материалами, вводимыми в научный оборот Анненковым, высказывает некоторые соображения о характере поэтического мышления, свойственного именно Пушкину.

Анненков, описывая черновые тетради поэта, сообщает, что «Борис Годунов» писался вместе с «Цыганами», вместе с IV и другими главами «Онегина», «которые перерезывают его, так сказать, во многих местах». ¹ Вчитываясь в страницу пушкинских тетрадей, Анненков изумляется тому, что «сцена летописца Пимена, проникнутая с начала до конца поэтиче-

жалел, — писал Некрасов, — что эти статьи не попали в «Современник». Они могли бы быть в нем и при статьях Чернышевского, которые перед ними, правда, сильно бы потускнели» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. X, 1951, стр. 230); следует учесть, что в этот отрезок времени (летом 1855 г.) Некрасов, не без давления В. П. Боткина, решил возобновить свои отношения с Дружининым и пригласить его снова в «Современник». Приблизительно через месяц он уже писал Боткину: «...прочел я, что пишете тебе Дружинин о Гоголе и его последователях, и нахожу, что Дружинин просто врет, и врет безнадежно, так что и говорить ему о подобных вещах бесполезно» (Письмо от 16 сентября 1855 г.; Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., т. X, стр. 247).

¹ «Материалы», стр. 141.

ским вдохновением, прерывается несколько раз...»¹, что Пушкин, начав рассказ Григория, прерывает его XXIV строфой из IV гл. «Евгения Онегина», затем возвращается к прерванному рассказу и, закончив его, переходит к повествованию Пимена, которое прерывает на 8 стихе; он останавливает внимание читателя на том, что вслед за прерванным монологом Пимена Пушкин написал некоторые стихотворные фразы строфы XXV и IV главы «Онегина».

Чернышевский, основываясь на анненковском описании рукописей Пушкина, приходит к выводу, что отрывочность в написании пушкинского романа «не дает ни малейшего понятия об отрывочности самой работы» (II, 450), что «беспорядочность» в процессе написания отдельных строф романа, одновременная работа над несколькими произведениями сразу отнюдь не говорит о «беспорядочности» самого творческого процесса. Чернышевский обращает внимание на то, что, хотя Пушкин нередко писал последующие строфы до предшествующих, тем не менее над каждой строфой оказывалась цифра, «означающая место ее в полном составе главы» (там же). Это позволяет ему прийти к важному выводу — что Пушкин тщательнейшим образом обдумывал планы своих произведений и что только ясность мысли делала возможной эту внешнюю хаотичность творческого процесса.²

«Беззаботная непоследовательность в исполнении строго обдуманного плана» (II, 451) характеризует, с точки зрения Чернышевского, не только Пушкина, но и Гете. Чернышевскому важно показать, что в основе пушкинского творческого процесса лежат поиски «истинного содержания», процесс «додумывания», постепенной кристаллизации мысли.

Чернышевский видит в «черновых материалах», опубликованных Анненковым, «существеннейшую часть творчества» поэта. Интересно отметить, что Чернышевский обращается к творческой истории тех произведений Пушкина, которые до

¹ «Материалы», стр. 142.

² Анненков, говоря о процессе создания «Евгения Онегина», приходит к другому выводу. Отмечая, что I строфе VIII главы, написанной 24 декабря 1829 года, предшествовало создание X, XI, XII строф той же главы, помеченных 2 октября этого же года, Анненков делает следующий вывод: «Поэт, как видим, предоставлял совершенную свободу вдохновению своему и заключал его в определенную раму, уже по соображениям, являвшимся затем». И дальше: «Евгений Онегин» есть... изумительный пример способа создания, противоречащего начальным правилам всякого сочинения» (там же, стр. 228, 229). Сам Анненков тут же делает оговорку, вступая в противоречие с самим собой и приближаясь к точке зрения Чернышевского. Он пишет: «Только необычайная верность взгляда и особенная твердость руки могли при этих условиях довершить первоначальную мысль в таком единстве, в такой полноте и художественной соразмерности» (там же, стр. 229—230).

сих пор служат предметом исследования и споров. Это, в первую очередь, «Египетские ночи», «Тазит» и «Сцены из рыцарских времен».

Историю создания «Египетских ночей», которую Анненков пытается восстановить, критик считает «очень замечательной». Давая исключительно высокую оценку «Египетским ночам» (в их завершённом виде), Анненков прослеживает, как Пушкин пришел к последней редакции своего произведения. Но, вводя в поле зрения читателя большой и интереснейший материал, Анненков делает лишь одно несколько дилетантски сформулированное замечание: «Всякий, кто внимательно рассматривал это небольшое образцовое произведение, вероятно заметил, что все его краски и все его очертания необычайно глубоко продуманы, строжайше взвешены и оценены предварительно и потом уже воспроизведены в минуту вдохновения, сообщившую всем им свежесть, блеск первого впечатления».¹

Чернышевский не подверг критике соображения Анненкова относительно того, какие отрывки могут рассматриваться как черновые редакции повести «Египетские ночи». Текстологические наблюдения издателя не вызвали у Чернышевского сомнений. Подобно Анненкову, он неправомерно связывает отрывок «Цезарь путешествовал...», в котором упоминается Клеопатра, с замыслом «Египетских ночей». Однако нельзя забывать, что вплоть до наших дней, вплоть до появления работ С. М. Бонди и Б. В. Томашевского, точка зрения Анненкова была господствующей в пушкиноведении. Все же одно предположение, связанное с творческой историей «Египетских ночей», Чернышевский высказал независимо от Анненкова — это предположение, что программа повести, начинающейся словами «Цезарь путешествовал...», центральным действующим лицом которой должен был стать Петроний, могла быть программой второй части «Египетских ночей». По-видимому, полной уверенности, в отличие от Анненкова, в непосредственной связи этого отрывка с той частью повести, которую Пушкин озаглавил «Египетские ночи», у Чернышевского не было.

Следя за историей создания «Египетских ночей», Чернышевский говорит о «долгой и интересной» борьбе, которую вел поэт «с планом и содержанием» своей повести. Отказ Пушкина от того или иного варианта Чернышевский объясняет недостаточной их выразительностью в смысле воплощения «сущности мысли», занимавшей поэта: для Чернышевского работа над «Египетскими ночами» — это поиски «истинного содержания», то есть опять-таки процесс работы мысли.

По-разному истолковывают Анненков и Чернышевский

¹ «Материалы» стр. 394.

замысел «Египетских ночей» (включая программу повести о Петронии). С точки зрения Анненкова, намерение Пушкина заключалось в том, чтобы столкнуть две эпохи — эпоху древнюю и современную, «столь противоположную нравам языческого мира... Из томов о Клеопатре, — продолжает Анненков, — Пушкин хотел извлечь именно тот контраст, о котором задумал, но он бросил разговор свой неоконченным... Пушкин начал повествование из быта древнего мира с намерением выразить его ложное, языческое понятие о смерти».¹ Для Чернышевского же обращение Пушкина к прошлому означало умение великого поэта и в нем увидеть те драматические конфликты, которые столь характерны для современности. «Прежде, нежели Пушкин увидел, что лучше всего выразит его идею такая повесть, как «Египетские ночи», он, — пишет Чернышевский, — думал развить ее содержание в повести из классического мира... Главным лицом он избрал Петрония, римского поэта, у которого находит следы новых понятий о жизни, противоположных древним воззрениям (разрядка наша. — Д. М.) и личность которого могла поэтому служить для выражения идеи, подобной идее «Египетских ночей», контраста между новым и древним миром» (II, 453).

Пушкинские планы, программы вызывают у Чернышевского огромный интерес. Используя материалы Анненкова, размещенные им в разных местах книги, критик ищет в них отражения «раздумий» и «трудов» Пушкина, связанных сего постоянным стремлением развить, углубить содержание своих творений. Движение Пушкина от плана к различным редакциям произведения, отказ от одних редакций и создание других — все те видоизменения, через которые проходил пушкинский замысел, Чернышевский объясняет «внимательным углублением поэта в сущность мысли» (II, 454), стремлением к возможно более серьезно содержанию.

Поразительно тонкими являются наблюдения и замечания, которые делает Чернышевский в связи с «программами» «Галуба» («Гасуба» — «Газита»). Соглашаясь с Анненковым, что «существенная мысль поэмы была — изобразить, как Тацит, по нравственному развитию ставший выше сурового, беспощадного дикарства своего племени... принимается гуманным обществом христианского мира» (II, 454—455), Чернышевский обходит молчанием предположение Анненкова, что «вся драма должна была объясниться и закончиться христианством».² Анненков стремится доказать, что двухкратное упоминание «инока» («монаха» в словоупотреблении Пуш-

¹ «Материалы», стр. 394, 395, 396.

² Там же, стр. 225.

кина) во второй пушкинской программе означает, что именно он, то есть «инок», «должен был завершить благодатное дело сердца и обстоятельств. К нему-то исподволь, — продолжает издатель, — но с замечательной твердостью руки, ведет поэт героя своего с самого начала». ¹ Не вдаваясь в полемику с Анненковым, Чернышевский тем не менее не преминул бросить мысль, которая никак не совпадает с мыслью Анненкова, — мысль о том, что Тазит не обрел для себя счастья и в новом для него христианском мире. Настоящий ученый, Чернышевский с большой осторожностью высказывает свое предположение. Он пишет: Тазит «вероятно (осмелимся прибавить мы), падает в борьбе между прежним и новым, отвергаемым и принимаемым нравственным существованием» (II, 455). С точки зрения Чернышевского, драматическая развязка конфликта более вероятна для Пушкина, чем идиллическая.

Один только раз вступает Чернышевский в спор с Анненковым — это в вопросе о «Сценах из рыцарских времен». Чернышевский исключительно высоко оценивает это незавершенное произведение Пушкина, и совершенно понятно, почему именно. Если для Анненкова «Сцены из рыцарских времен» — «не настоящее произведение», а только «план» его, то для Чернышевского это — «одно из превосходнейших произведений Пушкина». Оно, как пишет критик, «яснее всего показывает, что существенная красота заключается не в словах, которыми умеет гениальный писатель облечь свои мысли, а в том гениальном развитии, которое получает мысль в его уме, воображении, соображении... — в художественности, с какою представляется ему план, а не в выражении» (II, 458—459). ²

Чернышевский превосходно изучил анненковские «Материалы для биографии А. С. Пушкина». Он вчитывался в приводимые Анненковым черновые редакции пушкинских текстов, обильно цитируя их в своих статьях; он пытался даже разобраться в копиях некоторых черновых рукопи-

¹ «Материалы», стр. 225; к чести Анненкова следует сказать, что от дальнейших предположений он воздерживается: «Здесь останавливаемся, — пишет он, — из опасения впасть в произвольные толкования и догадки» (там же).

² Совершенно очевидно, что неодобрительное отношение критика к увлечению «мелочной обработкой» написанного отнюдь не означает недооценку им художественности как таковой. Ведь понятие «художественность», при всей нечеткости в истолковании его, какую мы находим не только у Чернышевского, но и Белинского, критик связывает не только с формой произведения, но и с поэтическим развитием мысли поэта, то есть с содержанием, с тем, что Белинский, а вслед за ним и Чернышевский, называли творческой или художественной концепцией произведения, фактически охватывая этим понятием область содержания и область формы.

сей, приложенных к «Материалам»; особенно интересуют его те варианты отдельных частей пушкинских произведений, которые поэт не включил в окончательные их редакции. Все это говорит не только о громадном внимании критика к пушкинскому наследию, но и шире — об историко-литературных, в частности — филологических, его интересах, об умении решать историко-литературные задачи в тесной связи с задачами филологическими.

Характер первых двух статей, принадлежащих перу Чернышевского, говорит о том, что творчество Пушкина для него отнюдь не повод для разговоров о современности (в прямом и узком значении этого слова, как это было для Дружинина и А. Григорьева). Он, несомненно, ведет разговор и о современности, но преимущественно для того, чтобы показать, насколько поучителен пример Пушкина для поэтов новой исторической эпохи. В борьбе с ложно понимаемой «художественностью», с эстетством, с забвением решающего значения мысли для поэзии Чернышевский опирался на Пушкина, на его творческий процесс, своеобразие которого он пытался уловить на основе ознакомления с творческой историей некоторых его произведений. «Драгоценный урок» многим современным писателям видит Чернышевский во «внимательном, продолжительном, недоверчивом обдумывании» (II, 455) поэтом плана своих будущих творений.

В борьбе с ложными тенденциями в современной поэзии Чернышевский использует и суждения Пушкина о поэзии. Он приводит высказывание поэта о французской литературе, которое кончается словами: «Такова участь (участь быть забытыми. — Д. М.), ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!» (II, 452) ¹

Изучение пушкинского творческого процесса позволяет Чернышевскому обосновать глубоко принципиальный для него вывод общэстетического порядка — о необходимости тщательного обдумывания плана произведения, прояснения писателем «в своем уме» основной мысли романа или драмы, необходимости «вникнуть в сущность характеров, которые будут ее проявлять своими действиями» (II, 452), и др. Преимущественный интерес критика в этих двух статьях к вопросам

¹ Анненков приводит это высказывание Пушкина среди двенадцати других, относящихся к русской истории, русской и западноевропейской литературе, не подвергая их специальному рассмотрению, а ограничившись указанием, что «отсюда начинается у Пушкина цепь коротких и сильно промаранных заметок, которые, видимо, составляют только программу будущего труда, первые вехи, показывающие уже определенное направление пути, но не составляющие самый путь» («Материалы», стр. 264—265).

историко-литературным, а не к критико-публицистическим сказывается еще и в том, какое большое внимание Чернышевский уделяет пушкинскому стиху, как и вообще судьбам русского стиха.¹ Конец второй статьи Чернышевского — это выражение не только огромного уважения к Пушкину, но и подлинно восторженного отношения к памяти великого поэта. Недаром он завершает статью пушкинским стихом:

Да здравствуют Музы, Да здравствует Разум!

А последние строки статьи, приписанные, как известно, в день смерти Николая I: «И да будет бессмертна память людей, служивших Музам и Разуму, как служил Пушкин», — говорят о том, с какими идеями 20-х годов связывал Чернышевский Пушкина.²

Анненковские «Материалы» больше всего привлекают Чернышевского новыми пушкинскими текстами, а не биографическими фактами, которые и в труде Анненкова занимают не столь уж значительное место. Чернышевский преимущественно стремится воссоздать облик Пушкина — человека («незабвенною навеки останется личность Пушкина» — II, 428), охарактеризовать истоки его образованности, показать его постоянную тягу к знаниям, его положение в обществе.

Гораздо резче и определеннее, нежели Анненков, Чернышевский подчеркивает народную струю в образовании Пушкина и приводит читателя к выводу, что «в ком сильна народная стихия, в том никакие иноземные влияния не подавят ее» (II, 430). В отдельных местах, обращенных к биографии поэта, чувствуется скрытая полемика с Анненковым. Последний, то ли в силу внешних обстоятельств, то ли в силу внутренней убежденности писал о том, как растрачивал Пушкин в молодости свои силы, насколько склонен он был к «шалостям» и

¹ Не вдаваясь в детали суждений Чернышевского по поводу русской стихотворческой культуры, не указывая на ряд его ошибочных высказываний по данному вопросу (см. об этом В. В. Гиппиус. Чернышевский — стиховед. Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1926), отмечу лишь что он считает ритмику весьма важным средством художественной выразительности; обращает на себя внимание его глубоко профессиональное замечание о рифме в русской поэзии; он указывает, что русская книжная поэзия выработала такой «механизм стиха», в частности — рифму, который не мог не оказать влияния на народную поэзию.

² В четвертой статье из цикла пушкинских статей, пытаюсь выяснить причину той «перемены», которая произошла с Пушкиным, с точки зрения Чернышевского, в конце 20-х годов (он якобы стал поэтом «бесстрастным, отдалившимся от жизни»), критик упоминает о прекращении тех отношений, памятником которых остался «Арион». Кстати, «Арион» не был опубликован ни в посмертном собрании сочинений Пушкина, ни в анненковском. По-видимому, Чернышевский читал его в «Литературной газете», с которой знакомился в это время, а может быть, знал его по изустной традиции.

развлечениям. Чернышевский делает в связи с этими анненковскими словами весьма многозначительное замечание: «Теперь мы знаем, что увлечения молодости, пагубные для людей слабых и односторонних, не повредили мощной и всесторонней натуре Пушкина — его гений развивался и мужал среди волнений юности, благодаря самым увлечениям жизни, и мы к нему более, чем ко всякому, можем отнести его же собственное восклицание:

Блажен, кто смолоду был молод!» (II, 435)

Возможно, что в этих словах критика кроется косвенный намек на политические интересы, политические симпатии и антипатии поэта.

Первые две статьи Чернышевского о Пушкине еще не позволяют говорить о наличии у Чернышевского в первые месяцы 1855 года целостной концепции творчества поэта; в них имеются противоречия, однако они позволяют судить об огромном интересе критика к пушкинскому наследию, к процессу его творчества, к личности поэта. Для Чернышевского — автора первых статей — Пушкин прежде всего гений, чье творчество явилось результатом напряженной работы мысли, это образованнейший человек своего времени, всегда повернутый к жизни, к людям, человек, «нравственное здоровье» которого придает «свежую роскошь и полноту» всем его привязанностям и наклонностям и отнимает «у самых крайностей всю болезненность... всякую натянутость...» (II, 437).

Новые пушкинские тексты, новые биографические факты позволили Чернышевскому как бы заново пережить мысли Белинского о светлом, ясном, гуманистическом начале в пушкинском творчестве, о «внутреннем богатстве» его «натуры», о земном, чуждом какой бы то ни было мечтательности, натянутости и риторичности характере его поэзии. Именно этими мыслями и эмоциями пронизаны первые две статьи Чернышевского. В таком своем отношении к Пушкину в этот отрезок времени критик был не одинок. Рядом с ним должен быть назван Некрасов, который относил Пушкина к самым передовым деятелям своего времени и видел в нем писателя, принадлежащего не только прошлому, но и настоящему.¹

Совсем мимоходом касается здесь Чернышевский темы «Пушкин и Гоголь», но сказанное им свидетельствует о намерении указать на имеющуюся между ними связь и преемственность. Иначе говоря, в этом направлении в начале 1855 года Чернышевский делает прямо противоположное тому, что делает Дружинин, который резко противопоставляет одного пи-

¹ См. об этом К. Чуковский. Мастерство Некрасова. М., Гослитиздат, 1952, стр. 9 и дальше.

сателя другому, соглашаясь признать только их личные дружеские отношения.

Две последние статьи Чернышевского, написанные в условиях обострившейся идеологической борьбы, носят иной, по сравнению с первыми, характер. Фактически третья и четвертая статьи не столько связаны с оценкой очередных томов анненковского издания, сколько представляют собой критико-публицистические выступления против Дружинина.

Если в первых статьях, как и в предшествовавших и сопутствовавших им по времени рецензиях, Чернышевский уделяет серьезное внимание разработке теоретических основ истории литературы как науки, выяснению места в ней биографии, библиографии, научной критике текстов, то сейчас от этого круга проблем он отходит. В центре внимания Чернышевского в этих последних статьях оказываются три проблемы: 1) эволюция идей Пушкина, или, как пишет Чернышевский, «ход изменения идей, которыми одушевлялась деятельность Пушкина в различные эпохи» (II, 477) (Пушкин 30-х годов); 2) отношение к поэту, и в первую очередь — в 30-е годы, современной ему критики и критики 40-х годов (то есть Белинского); 3) Пушкин и современность, фактически — «Пушкин и Гоголь».

В этой части работы Чернышевский отошел от многих мыслей, высказанных им в первых двух статьях. Здесь его суждения о великом поэте становятся резкими, нередко критика покидает чувство исторической конкретности. В борьбе за «гоголевское направление» Чернышевский не нашел верного пути для решения проблемы «Пушкин и Гоголь», не поднялся над дружининским пониманием Пушкина как поэта созерцательного, бесстрастного (в первую очередь это относится к Пушкину 30-х годов¹) и потому, как и Дружинин, но только с другой стороны, пошел по пути противопоставления Гоголя Пушкину. Две последних статьи Чернышевского о Пушкине — это скорее главы из истории критики, чем статьи о творчестве поэта и собрании его сочинений. И тематически и композиционно они близки «Очеркам гоголевского периода русской литературы». Они являются, с одной стороны, как бы кратким очерком будущей грандиозной работы, с другой — могут рассматриваться как часть этой работы, для которой совершенно правомерным явилось бы заглавие «Очерки пушкинского периода русской литературы». Недаром в «Очерках гоголевского периода...», характеризуя позиции «Литературной газеты» и пушкинского «Современника», Чернышевский не считает для себя необходимым давать обстоятельное освещение этого

¹ Замечу, что в оценке Чернышевским Пушкина 30-х годов, несомненно, сказалось и влияние Белинского.

вопроса, поскольку «подробное объяснение этого явления, — как пишет критик, — принадлежащее истории пушкинского периода русской литературы» (III, 193) выходит за ее пределы. В четвертой статье «Очерков» Чернышевский, определяя цель своего труда, пишет, что он создает историю «литературных мнений» (III, 135). Фактически он приступил к этому труду раньше, в период работы над третьей и четвертой статьями из цикла статей об анненковском издании Пушкина.

Однако изучение Пушкина, предпринятое Чернышевским в связи с выходом в свет первого научного издания его сочинений и материалов для его биографии, не прошло бесследно для дальнейшей работы Чернышевского над темой «Пушкин».

В 1856 году он снова возвращается к пушкинской теме — на этот раз в работе, обращенной к юношеству.¹ В этой книге, проникнутой огромным уважением к Пушкину, страстной убежденностью, что Пушкин — это величайший человек и поэт, которого «каждый русский наиболее обязан уважать и любить» (III, 313), Чернышевский выступает как подлинный пропагандист его творчества. В книге для юношества критик широко опирается на материалы, опубликованные Анненковым, материалы, позволившие ему создать свою концепцию творчества поэта. Эта книга Чернышевского не менее полемична, чем последние главы его предыдущей работы, однако здесь полемика ведется как бы изнутри и не на основе «снижения» Пушкина по сравнению с Гоголем, а на основе признания огромной жизненности тех нравственных и творческих принципов, которые утверждались его поэзией.

¹ Н. Г. Чернышевский. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения, 1856.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 245

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Статьи и исследования)

ЛЕНИНГРАД

1963